

День начала года в Ломбардии

Свидетельство Хуссама Абу Сини, ответственного общины Движения в Святой Земле
(по видеосвязи из Хайфы)

Всем добрый день. Меня зовут Хуссам. Для тех, кто со мной не знаком, я католик, араб, израильтянин с палестинскими корнями. Сложная история... Я работаю онкологом, родился и вырос в Назарете, а живу в Хайфе, в городе у моря на севере Израиля, с моей женой-итальянкой Кьярой и двумя нашими маленькими детьми.

Движение я встретил в 2008 году, когда учился на медицинском факультете в Турине. Во время университетских выборов я познакомился с группой людей. Это был очень непростой период в моей жизни: я решил бросить учебу, потому что чувствовал себя одиноким. Именно тогда я и познакомился с теми людьми и, в частности, с одним парнем, который впоследствии стал моим лучшим другом и свидетелем на свадьбе. Он подарил мне «Религиозное чувство» на арабском языке. Вернувшись домой, я прочитал эту книгу. Поначалу было нелегко (пришлось перечитать два раза!), но я понял, что вопросы, о которых в ней говорилось, были в тот момент моими вопросами, и я сказал себе: «Неспроста тот парень подарил мне эту книгу: он хочет, чтобы я был там». И я вернулся в Турин, окончил университет и благодаря той встрече работаю врачом и сейчас говорю перед вами.

Во встрече с теми людьми я понял, что существует иной способ относиться к вещам, что меня любят безвозмездно и что от меня требуется только одно: ответить любовью на любовь. В 2016 году я окончил университет и решил вернуться домой, в Святую Землю, с мыслью нести красоту и полноту, обретенные в Италии, христианам здесь, людям, которые живут здесь, чтобы и они могли увидеть то, что видел я. У меня, как почти у всех в наших краях, была «идеологическая» позиция: мы, христиане, мы, арабы, были тут раньше других и потому должны оставаться тут. Из моей истории, которую я сейчас расскажу, вы поймете, что эта идея, эта идеология рушится под натиском первой же бури — прежде всего для меня. Во всех фактах, происходивших со мной, я понимал то, о чем монсеньор Паоло Мартинелли, апостольский викарий Южной Аравии, говорил нам сначала на встрече общин Ближнего Востока, а потом и на международной встрече ответственных: «Быть в миссии — значит быть посланными кем-то к кому-то с кем-то». Это было ясно уже во встрече в Турине, но становилось все яснее по мере жизни здесь. Первым делом по возвращении я нашел общину Движения. Я начал посещать ее, но постепенно отдалился, чтобы сосредоточиться на работе. Однако я не был доволен так, как был доволен в Италии благодаря красоте и полноте, о которых уже говорил. Однажды друзья из общины пригласили меня на ужин, и я хотел

пойти, потому что скучал по ним. Всю дорогу, однако, меня мучила мысль: «Сейчас они начнут спрашивать: „Где ты был, почему больше не появлялся, куда пропал? Ты же говорил, что община — первое, что ты искал!“». Ужин был в Вифлееме. Я добрался до места, но не решался зайти и хотел вернуться домой. Стоя на ступеньках дома, я думал: «Нет, нет, сейчас они рассердятся». Наконец, я зашел и увидел нашего друга Этторе, он из *Memores Domini* и прожил тут двадцать лет. Увидев меня, он обнял меня и сказал: «Нам тебя не хватало!» Его объятие было очень важным для меня. Я говорил себе: «Где еще найдешь такие объятия?» Я ношу его в сердце по сей день. Когда в 2018 году меня попросили стать ответственным общины в Святой Земле, я сразу же согласился. Это был способ ответить на любовь, которую я постоянно получаю.

Я рассказал об этих двух фактах, чтобы стало понятно то, что я сказал, цитируя монсеньора Мартинелли: «Мы посланы кем-то к кому-то с кем-то». Последний год, год войны, стал для меня очень важным. Лично я проделал огромные шаги, как и вся наша община.

Седьмого октября 2023 года мы были на каникулах. Впервые мы решили провести их в начале года, а не в конце, чтобы они совпали с Днем начала. Объясню, насколько сложно устроена наша смешанная община: я с женой и детьми (я араб и гражданин Израиля, жена — итальянка), еще одна девушка арабка-израильянка, в Хайфе учится парень из Италии, в Иерусалиме живет несколько женщин из *Memores Domini*, в Вифлееме — четыре женщины-палестинки и еще две девушки-католички, говорящие на иврите. Каникулы проходили с 6 по 8 октября в местечке Абу-Гош в двадцати минутах к северу от Иерусалима. Мы начали вечером 6-го с введения и игр, атмосфера была замечательная... Утром 7-го мы проснулись и увидели новости и видео о том, что случилось в кибуцах недалеко от Газы. Первая реакция — тревога, беспокойство. С нами были четверо друзей из Италии, среди которых и наш визитор. Мы решили продолжить каникулы, тем более что уехать все равно не могли. Под звук ракет и бомб мы вместе прочитали утреннюю молитву. Это для меня был первый важный момент: я понял, что, с одной стороны, единство определялось обстоятельствами, но, с другой, мы были едины, поскольку все смотрели в одном и том же направлении. Меня глубоко поразила фраза кардинала Пьербаттисты Пиццабаллы, нашего патриарха, из его письма епархии: «Там, где царит хаос, лишь Бог может навести порядок». Тот день мог стать самым неорганизованным в нашей истории, а в результате мы провели его в невероятной упорядоченности. Только Бог способен был навести такой порядок, и все мы это сознавали, все смотрели в одном направлении. Во время Дня начала, перенесенного на утро, снаряд упал в трехстах метрах от нас (а с нами были дети!). Удивительным образом мы пошли в бомбоубежище, как семья, такого порядка среди нас еще никогда не было: араб спрашивал

у еврея, как он, и наоборот. Мы увидели друг друга как братьев и сестер, вместе поехавших на каникулы. После обеда, чтобы разрядить обстановку, мы устроили игры, но потом поступила новость, что блокпосты между Иерусалимом и Вифлеемом могут закрыть на неопределенный срок. Если вдруг вы не знаете, Израиль и Палестину разделяет стена, и палестинцы, чтобы пройти через блокпосты, должны иметь специальный пропуск. Наши друзья рисковали оказаться отрезанными от родных. Мы в срочном порядке отслужили мессу, чтобы они могли уехать. Одна подруга из Вифлеема, прощаясь, сказала мне со слезами на глазах: «Я должна вернуться, там моя семья, но мне не хочется терять то, чем я жила здесь». Я обнял ее и ответил: «Сейчас ничто не заканчивается, все только начинается». А друг из Италии сказал: «We are one» — мы одно. Эти слова стали нашим девизом на все год, и вот почему.

Мы вернулись домой и не знали, как будет развиваться ситуация (мы не знаем до сих пор). Через десять дней после начала войны кардинал Пиццабалла объявил день поста и молитвы. И меня это глубоко поразило. Присутствие Пиццабаллы в эти месяцы для меня и для общины стало очень важным, решающим. Он единственный призывал к миру между двумя народами, кричавшими о мести. В письме, обращенном ко всей епархии, он писал: «Христос победил мир, возлюбив его». Это должно придавать нам смелости, чтобы говорить, кто мы. Благодаря тому, о чем я рассказывал раньше, начиная с первой встречи до моего возвращения и объятия Этторе, до наших каникул, я понял, что Христос победил меня, возлюбив меня, предложив мне Свою любовь. И Он просит лишь ответить на нее любовью. Это должно придавать мне смелости, чтобы идти и говорить, кто я.

В день поста и молитвы мы с женой пошли на мессу. Был вечер вторника, и, к моему удивлению, церковь была переполнена (обычно у нас люди ходят на мессу только по воскресеньям). Мы вдруг поняли, что являемся частью народа, народа, вопиющего о мире. По этой причине (сначала по просьбе моей жены, а потом и в общем обсуждении) мы решили как можно скорее покрестить нашу дочь Марту (ей тогда было четыре месяца, а у нас принято крестить детей в первый день рождения). Во-первых, мы поговорили с друзьями и поняли, что боимся, поскольку было непонятно, что нас ждет дальше. Во-вторых, мы хотели, чтобы наша дочь стала частью этого народа. В-третьих, нам важно было верить ее Тому, Кто один вселял в нас надежду на фоне отсутствия всякой надежды для нашей страны. Крещение получилось очень красивым. Оно прошло в Хайфе, в маленьком приходе для католиков, говорящих на иврите (настоятель — итальянец, и в последние годы мы очень подружались). Обряд служился на трех языках: итальянском, арабском и иврите. Я всегда говорю друзьям: «Попробуйте сейчас найти другое место, где можно одновременно услышать эти три языка!» Для нас это был настоящий праздник — верить нашу дочь Тому, Кто был

единственным источником надежды в тот момент. Как отец скажу, что для меня самая прекрасная форма любви к ребенку — вверение его Богу. Если любовь заключается не в этом, что-то идет не так. В тот день я еще яснее понял, что мою жизнь определяет любовь, и именно она сопровождает меня и в моей работе.

Я работаю онкологом в больнице Хайфы. Это смешанная больница, тут есть евреи и арабы, христиане и мусульмане, и атмосфера достаточно напряженная. Для меня важным стал диалог с моим секретарем (она арабка-мусульманка), которой я рассказал о встрече с Движением и о друге, подарившем мне «Религиозное чувство». Она меня спросила: «Как тебе удается говорить со всеми, выражать то, что ты думаешь, и никого не раздражать, а порой даже понимать другого человека?» Я ответил: «Основатель нашего Движения, о котором я тебе рассказывал, говорил, что любить того, кто отличается от тебя, можно, только если ты сам любим. А я любовь получаю постоянно». Она спросила: «Ты понял это, читая книги основателя?» — «Не только. Я понял это в отношении с моими друзьями». Она удивилась: «Неужели существуют такие друзья?» Тогда я понял, что мир жаждет такой дружбы, как наша. Мне становится все яснее, что мы здесь не потому, что были здесь раньше: мы здесь ради задачи, чтобы возвещать миру дружбу, в которой он по-настоящему нуждается.

Расскажу еще одну историю, связанную с моим пациентом-евреем, который умер 28 апреля. У этого человека, к которому я очень привязался, был рак легких с метастазами. Я испробовал все: химио-, радио-, иммунотерапию, операцию на позвоночнике, но его состояние ухудшалось, болезнь прогрессировала, и я чувствовал, что подвел его. В последнюю неделю его жизни мне позвонила его жена: «Доктор, мы больше не справляемся, он не встает с кровати, так дальше нельзя. Что нам делать?» Я ответил: «Везите его ко мне в больницу, я его приму. Мы понимаем, к чему все идет, но пусть он умрет с достоинством». Я сразу же положил его в мое отделение и пошел проведать. Он мне сказал: «Спасибо за все, что ты для меня сделал». Я в глубине души разозлился: «Все же очень плохо!» На следующий день в семь утра я первым делом навестил его и узнал, что он послал жену купить подарки моим детям. Я спросил: «Ты же понимаешь, что умираешь? Почему ты ее об этом попросил?» — «Потому что благодаря тебе я посмотрел на болезнь другим взглядом». Я сразу же услышал в его словах призыв, напоминание: я в больнице не для того, чтобы исцелять (мне хотелось бы исцелить всех!), а чтобы передавать пациентам нечто иное. Тот человек умер счастливым.

Я вышел из его палаты с подарками для моих детей и с напоминанием, «расколовшим» меня надвое, и столкнулся с медбратом, с которым мы дружим уже пять лет. Он, каждый раз когда мы общаемся (особенно когда обсуждаем войну), говорит мне: «У тебя жена-итальянка, Италия — лучшая страна в мире, беги отсюда! Что ты тут делаешь? Почему остаешься? Ты же

можешь уехать...» В тот день он увидел меня, я рассказал ему о пациенте, и он ответил: «Пять лет ты пытаешься мне объяснить, почему хочешь остаться здесь. Сегодня я понял. И ты должен остаться». Если мы остаемся, то ради задачи, ради величайшей задачи.

Все больше открывая Его любовь, я все больше открываю и ценность нашей общины. В этом году мы с удивлением заметили, что мы семья, братья, и стали делать многие вещи вместе. Например, читать каждый день в 13:00 молитву «Ангел Господень»: для меня это очень важный момент, когда мы останавливаемся, чтобы вспомнить о том, что нас объединяет. А еще мы каждую неделю проводим школу общины (пусть даже онлайн) и выносим общинное суждение, суждение, проживаемое в общении. Возникла также идея проводить один день в месяц вместе. Как мы поняли, что мы братья? Братья не просто «обнимаются», они не щадят себя ради друг друга, братья смотрят друг другу в лицо. Как я уже говорил, у нас непростая община, она разношерстная, и трений между людьми всегда хватает. Расскажу только об одном телефонном звонке с тремя женщинами палестинками. Было множество проблем: мы созвонились в десять вечера, диалог начался на повышенных тонах («Мы хотим, чтобы все было по-нашему!»). В конце концов я тоже разозлился: «Как вы думаете, почему я тут, почему разговариваю с вами в десять вечера? Потому что я люблю вас! Вы играете важнейшую роль на пути, по которому мы идем, потому что вы для меня — первый призыв, первое напоминание. И другие точно так же важны». Они спросили: «Как мы можем жить так?» — «Благодаря принадлежности к определенному месту». — «А как принадлежать все больше?» — «Есть способ: запись в Братство!» И тогда все три женщины хором ответили: «Мы хотим записаться в Братство!» Меня это очень поразило: в один прекрасный момент ты решаешь ответить любовью на любовь. Вместо того чтобы поступить, как поступает весь мир, ты решаешь ответить на любовь.

Прочитаю отрывок из одной книги Джуссани, где он говорит: «Те, кто верит в Иисуса, охвачены силой тайны Христовой, вовлечены в Его личность и в буквальном смысле становятся одним телом, и это тело растет, ему суждено расти, быть плодотворным. Отношение между Христом и компанией, в которой Он пребывает, делает эту компанию плодотворной: этой компании суждено покорить мир, овладеть миром». Он продолжает: «Нас объединяет не чувство, речь не о социологическом феномене, а о Тайне бытия, говорящей о Себе по-новому... Этой компании со Христом суждено быть плодотворной, то есть проникать в весь мир. По мере ее разрастания становится все очевиднее, что она в рамках человеческого сообщества образует народ: инаковый народ, который ощущает, воспринимает, судит, любит, принимает решения и воплощает их иначе» (L. Giussani. *Una presenza che cambia*. Milano: BUR, 2004. P. 368).

Я хотел бы закончить тем же, с чего начал: «Я послан кем-то к кому-то с кем-то». Эти слова определяют мою жизнь, в этом заключается новизна моей жизни, позволяющая мне быть в большей степени человеком, в большей степени отцом для моих детей, в большей степени мужем для моей жены, в большей степени онкологом для моих пациентов, в большей степени другом для моих друзей. Спасибо.